

Владимир Соколов
«Он весь, как речь живая...»

// Кузнецкий край. –1996. – № 93. – 17 августа. – С. 3.

В середине восьмидесятых годов в газете «Комсомолец Кузбасса» мне впервые удалось напечатать поэму Виталия Крекова «Данилкино утро» (хроника 50-х). Но чего это стоило! Поначалу пришлось создавать общественное мнение внутри редакции: читать по кабинетам, читать с восхищенным видом кому ни попадя, даже тем, кто в стихах ни в зуб ногой, отдельные строфы поэмы, и лишь после этого положить ее на стол редактора. По каким-то соображениям была выброшена только одна строфа:

Расцветай моя
Красная республика!
Полюбила я молодого жулика.

Все остальное, как ни странно, редколлегия одобрила. А там было наивно-саркастическое: «И всюду радио: «Дружите с неграми! Электростанция! Электроэнергия!» или: «Ткань в полоску на матрац, продавец, измеряй-ка, чтобы снилась и у нас по ночам Америка». И даже такое: «Здесь я негра чернее - бесправен и гол. А в городе Детройте карнавал прошел...».

А на другой день началось! Попало ЛИТО: куда смотрели! Какая-то женщина из идеологического отдела обкома КПСС вызвала редактора на ковер. Я чувствовал себя виноватым: подвел всех. Причем, как оказалось, негодование там вызвали строчки:

Девчонки-комсомолочки
Ребятам гладят челочки.
И девушки партийные
Ходят беспарнейные.
Такую тень бросили на солнце! Редакция хохотала.

А ведь Виталий - абсолютно незлобивый, он никакой критикой действительности не думал заниматься и не занимается. Он показал правду: не хватало мужиков после войны. И жили бедно, трудно. И все равно время было радостное, в его поэме означенное точными деталями:

Спортивные туфли
начищу я мелом.
Моряк полюбил
девушку в белом.

...Познакомились мы на литобъединении. В дверях комнаты, где проходило заседание, вдруг появился парень «выше среднего» в солдатской форме. Он улыбался, смотрел как-то поверх голов, но видел всех и радостно узнавал друзей. Потом начал рассказывать, как отслужил три года в стройбате, в

Омске, где даже (с гордостью) спал «на ребрышках» в том самом месте, откуда взялись у Достоевского «Записки из мертвого дома»... Образным, сочным языком говорил он, с народными словечками. А качал читать стихи, несколько картавя, без выражения, без напева, и все затихли:

Я накрутил на шею
 твои косы,
Чтоб долгим был
 ответный поцелуй...

До сих пор тут, на заседаниях литобъединения, чаще всего звучали изыски, мы, как дети, радовались всему сверхсмелому и оригинальному в поэтическом смысле. И вдруг такая простота. Как само небо, поле, лес. И какой взгляд на мир — ни о горечах своих, ни о чем подобном (лишь изредка это мелькало, как тень тучки), а как бы обо всем сразу:

...И люди, коих Бог
 на землю бросил,
Пусть навсегда
 исчезли их следы...
Но каждый жил
 и нес в большую осень,
Кто горькие,
 кто сладкие плоды.

Все поняли, осознали: пришел Поэт. И к нему потянулись те, кто помоложе. И он навсегда стал их верным товарищем. Солдатская форма ему не шла, так же, как потом и единственный бостоновый черный костюм, брюки которого заправлял в кирзовые сапоги ввиду вечной грязи на Второй Заречной, где жил тогда в «засыпном домике, сколоченном из обрезных дощечек, натасканных со свалки городской», вместе с нежно любимой им матерью и совсем высохшей и иструдившейся тетей Тасей. Там, на кухонном столе, среди крошек хлеба и остатков маринованной селедки был оберегаемый всеми уголок, где лежали его рукописи.

Рассуждения его были всегда духовны, о чем бы он, увлекаясь, не рассказывал. В тридцать лет вдруг съездил на правый берег в Церковь и крестился. Поступок отважный, ведь это были еще семидесятые. От него в красно-желтом переполненном автобусе пахло миррой. Крестился, как я сейчас понимаю, от любви. Это главное в нем — большая любовь. Ко всему живому, к природе, к людям в особенности. Вот строчки из сборника «Цветы картофельных полей», взятые из разных стихотворений: «Волочусь километрами, всё любимо всерьез...», «Я поверью поверил еще с детских

пор, что душа ее (березы. — В.С.) схожа с любовью...», «Где сорок белых рук в любимое нырнули...». И, наконец, такое предельно откровенное горькое признание, редкое для него:

Моя любовь —
не прелесть лунной ночи
И не уют
 под очертаньем крыш.
Но люди, от которых
 сердце хочет
Забиться в стог,
 как полевая мышь.

Стихи, поэзия — его неотделимый, основной признак. Он издал уже несколько сборников, стал членом Союза писателей. Но по-прежнему кладет печки, камины, делает обмуровку котлов. Он свободный художник — и в жизни, и в творчестве. И еще он цельный человек. Он как бы и не меняется. А зависимый разве что от денег, которых всегда не хватает (даже чтобы издать новый сборник — даром сейчас ничего не делается, а просить не может, с начальством дружить не умеет), да еще, я бы сказал, зависим он от неба и от своей поэзии, которая в то же время никогда не была для него самоцелью.

Не могу здесь не привести пример той одухотворенности, с которой Виталий Креков (ему уже 50!) прочно занял свое место не только у нас, но и в российской поэзии (его поэмы публиковались и в столице):

Я вижу отчий край.
Он весь, как речь живая.
Кругом светлынь небес
 и кислорода ток.
Привет тебе, привет,
 гвоздичка полевая!
Как малый мотылёк,
 твой розовый цветок,
Как в прошлом на лугу
 короткое свиданье,
И отошедшей, той,
 летучая краса...
На венчике твоём и дух,
 и расстоянье
Стоят, как в летних
 лужах, небеса.

От редакции: на днях у Виталия Артемьевича Крекова выходит в свет еще один поэтический сборник – «Весна постная». Еще раз от души поздравляем юбиляра!